

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

М. Броэрс

Оксфордский университет

КОНЦЕПЦИЯ «ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ» В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

Принцип тотальной войны выработался в ходе Революционных и Наполеоновских войн. «Тотальная война», конечно, в значении «абсолютной враждебности», стала частью европейского духа, но пришла она туда через боковую дверь общества, а не по коридорам власти. «Абсолютная враждебность» нашла себе истинную поддержку у двух крайностей – у элитной политической культуры и в крестьянских общинах, пострадавших от войны либо напрямую, либо из-за рекрутского набора, либо и так, и так. Во время самих войн осуществлению «тотальной войны» на деле помешали два обстоятельства. Одним из них была нехватка эффективных технологий. Другим – существование правителей, все еще в большой степени хранящих политический этос Старого порядка и даже Просвещения, и потому удерживавшихся от искушения дать волю всем силам, имевшимся в их распоряжении. В этих войнах можно отчетливо видеть менталитет будущего, он проглядывает в них со всей очевидностью – но настоящей «тотальной войне» пришлось дожидаться не только новых технологий, но и новой политической культуры. Войны породили фанатиков; образованные фанатики отточили свой дискурс. «Тотальная война» была в умах, и даже на чертежных досках, но еще не на поле боя. Этому безусловно способствовало сочетание медленного темпа промышленной революции и остатков влияния консервативного Просвещения в коридорах власти.

Ключевые слова: история, Франция, Французская революция, империя Наполеона, тотальная война

Цитирование: *Броэрс М.* Концепция «тотальной войны» в период Французской революции и Первой империи. DOI 10.32608/0235-

4349-2021-1-54-213-226 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 213-226.

Поступила в редакцию: 21.12.2020

Принята к печати: 21.01.2021

Michael Broers
University of Oxford

THE CONCEPT OF “TOTAL WAR” IN THE REVOLUTIONARY AND NAPOLEONIC PERIOD

The principle of total war was established in the course of these conflicts. “Total war”, certainly in the sense of “absolute enmity”, had entered the European psyche, but by the side doors of society, not through the corridors of power. “Absolute enmity” found its real havens on the extremes of elite political culture and among peasant communities that had been traumatized by the wars, either directly or through conscription, or both. During the wars, themselves, two things postponed the reality of “total war”. One was the lack of effective technology. The second was the survival of rulers still imbued with enough of the political ethos of the old order, and even of the Enlightenment, to hold in check the temptation to unleash all the forces they had. The mentality of the future can be seen clearly in these conflicts – it can be more than glimpsed – but true “total war” would have to await not only a new technology, but a new political culture. The wars had spawned fanatics; the educated among them honed their discourses. “Total war” was in the mind, and even on the drawing board, but not yet on the battlefield. That this was so, was ultimately a combination of the slow progress of the industrial revolution and the residual influence of the conservative Enlightenment in the corridors of power.

Keywords: history, France, French Revolution, Napoleon's empire, total war

Citation: Broers, M. (2021). Kontseptsiiia “total'noï voïny” v period Frantsuzskoï revoliutsii i Pervoï imperii [The concept of “total war” in the Revolutionary and Napoleonic period]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-213-226. *Annual of French Studies 2021*, vol. 54, p. 213-226.

23 августа 1793 г. Национальный Конвент издал декрет о *массовом наборе в армию* (*levée en masse*). Это был способ ведения войны на качественно новом уровне, причем одновременно в двух разных

отношениях. С одной стороны, разумеется, это был массовый рекрутский набор, начало которому положил революционный декрет февраля 1793 г., когда Конвент призвал 350 тыс. человек – и именно так обычно интерпретируется термин *levée*. Однако, как уже давно указал Р.Р. Палмер, у слова *levée* есть другое, более глубинное значение, а именно «массовый подъем», «массовое восстание» – феномен, представляющий собой нечто противоположное рекрутскому набору¹. Именно этот смысл подразумевался в декрете от 23 августа. Декрет требовал, чтобы французы поднялись как единая нация. Теперь мало было отдать своего сына Парижу для отправки на фронт; все вместе и каждый в отдельности должны были внести свой вклад в общее дело войны. Женатые мужчины должны были изготавливать боеприпасы, женщины – стать армейскими медсестрами и швеями, а от стариков ожидалось, что они выйдут на рыночную площадь и будут рассказывать о героических деяниях, чтобы дети слушали и учились быть верными Республике.

Вот они, два лика гидры тотальной войны: с одной стороны, неумолимое давление бюрократической машины, добравшейся до медвежьих углов, которые прежде казались недоступными для государства; с другой – надежда, что принуждения не потребуется и люди сами все как один поднимутся на народную войну, не противясь этому и не отказываясь. Первое сбылось, а второе – нет, хотя рвения было более чем достаточно, по крайней мере во Франции и во имя Революции. В период с 1793 по 1815 г., по мере того как война разрасталась, оба лика новой массовой войны были распространены на оставшуюся часть Европы: как правило, причиной тому была необходимость сопротивляться Франции и отражать ее натиск, но свою роль играло и сознательное подражание Франции. Эти факты хорошо известны, но отнюдь не утратили своей свежести. Вместе взятые, они воплощают тотальную войну воли, тотальную войну разума: политические вожди революционного и наполеоновского периода понимали концепцию тотальной войны и время от времени прилагали максимальные усилия, чтобы претворить ее в жизнь. Этими действиями они навсегда отточили когти и клыки европейской бюрократии – нынешние Брюссель и его сателлиты, несмотря на свой глубокий пацифизм, остаются истинными ее наследниками.

¹ *Palmer R.R.* The Year of the Terror. Twelve who Ruled France, 1793-1794. Princeton, 1989. 3rd ed. P. 59.

* * *

Благодаря комбинации этих двух определений (или же этих двух форм) *levée*, революционные и наполеоновские войны выглядели для современников почти как Апокалипсис. Рекрутский набор был давней и заветной мечтой великих держав Старого порядка. Его существование в Пруссии и России способствовало сохранению крепостного права в обеих странах, обеспечивая военные мускулы, без которых не смог бы обойтись ни один государь, даже самый решительный реформатор. Правители Франции и державы Габсбургов, напротив, были раздражены своей неспособностью использовать военный и финансовый потенциал многочисленного населения собственных стран. Когда революционное правительство впервые осуществило массовый набор 350 тыс. человек, когда Республика приняла закон Журдана (1798 г.), превратив рекрутский набор в повседневную реальность, традиционные враги Франции поняли, что их карта бита, и Республика была спасена. Наполеон создал префектов для контроля над департаментами, а также реорганизовал жандармерию и уполномочил ее забирать юношей – это было поистине необходимо, ведь приходилось навязывать рекрутский набор людям, не горевшим желанием служить в армии и при этом нередко хорошо вооруженным. Государи «Великого столетия» не осмеливались о таком даже мечтать. Когда значительная часть северной Италии, западной Германии, а также все Нидерланды, как северные, так и южные, оказались под контролем Франции, система местного управления, построенная вокруг рекрутского набора, распространилась и на них – равно как и количество потенциальных рекрутов. Сложившаяся система показывает всю ошибочность старой шутки, что, когда у Наполеона закончатся идеи, у Меттерниха по-прежнему будут войска.

Если пытаться проанализировать содержание термина «тотальная война» в контексте Революционных и Наполеоновских войн, придется столкнуться с вопросом, почему все эти люди сражались и какой настрой позволил воевать более двадцати лет; по здравом размышлении, это, вероятно, самое удивительное, что было в тех войнах. Токвиль сравнивал их с религиозными войнами XVI–XVII вв., и, поскольку он смотрел из середины XIX в., его сравнение кажется более чем разумным. Когда же на эти войны смотрим мы, оценивая их в свете накопленного нами куда более жестокого опыта, нам сложно не увидеть в них тень нашего собственного идеологического мира.

* * *

К счастью для всех, кого это затрагивало, вмешалась реальность. Это произошло в трех формах. Одним спасением стала технология, вернее, ее недостаток: даже люди Старого порядка, сохранившие иммунитет к революционному идеализму, были спасены от собственной растущей безжалостной воли к победе, от импульса к власти, который они ощутили, увидев в действии великое чудо *levée* в первом значении этого слова. Другим спасением стала невероятная алчность действующих лиц, особенно как это ни забавно, французов. Наконец, сыграл свою роль тот факт, что реальная власть, по крайней мере среди союзников, по-прежнему находилась в руках людей Старого порядка. Какой из этих факторов наиболее важен для понимания термина «тотальная война»?

С точки зрения логистики и технологии «тотальная война» была попросту невозможна, и никто, как правило, не стремился к разрушению европейской инфраструктуры – ни правители, ни военачальники. Нереалистичным представляется мнение Дэвида Белла, что, «если мы хотим понять место войны в современных представлениях о мире, мы должны отправиться в прошлое... в эпоху мушкетов, пушек и парусных кораблей»². В сопоставимых военных терминах сложно говорить о «тотальной войне» в то время, ведь массовая резня растянулась на столь долгий период, что она уже не вполне соответствовала критериям массовой резни; ведь хозяйство воюющих стран было разрушено не до такой степени, чтобы кто-то стал осуждать Венский конгресс за то, что он не разработал раннюю версию плана Маршалла, хотя многочисленные критики и придумали в адрес конгресса великое множество столь же неисторичных упреков³. Ни блокада, ни Континентальная система не могли в контексте того времени достичь успеха. Более того, эффективная экономическая война с Великобританией вообще выходила за рамки возможностей наполеоновского государства, неспособного контролировать британскую береговую линию.

² Bell D. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Boston, 2007. P. 13.

³ Типичным образцом жанра, ныне потускневшего, но прежде господствовавшего, является Агата Рамм: «Главную ответственность за неспособность обеспечить продолжительный мир... следует возложить прежде всего на тех, кто выступал в роли верховных жрецов реакции, а во вторую очередь на тех, кто под влиянием собственного национального и либерального пыла стремился восстановить равновесие при помощи насилия». – Ramm A. Europe in the Nineteenth Century, 1789-1905. L., 1984. P. 136. Дэвид Томпсон считал период с 1815 по 1849 год ничем иным как «временем эндемичной гражданской войны». Thomson D. Europe Since Napoleon. L., 1981. P. 129.

Возможности не поспевали за мечтами. Люди, жившие в то время, не могли причинить такого вреда, какого хотели, в той мере, в какой желали. Если в долгосрочной перспективе Европа не слишком пострадала от Революционных и Наполеоновских войн, то причиной тому было что угодно, но только не сдержанность сторон: об этом свидетельствуют людские потери. В своем ярком труде, посвященном военным аспектам Наполеоновских войн, Дэвид Гейтс свел воедино полные цифры потерь в говорящем само за себя сравнении: «В целом Наполеоновские войны привели примерно к пяти миллионам смертей: в них погибла такая же доля европейского населения, как и в войне 1914–1918 гг.». Франция, вероятно, потеряла в этих войнах около миллиона человек или 38% от общих цифр смертности в стране – больше, чем с 1914 по 1918 г.; британские потери составили около 225 тыс. человек, или долю населения страны, сравнимую с той, что погибла в Великую войну⁴. Но самое важное, возможно, заключается в том, что государства начала XIX в. потратили на достижение аналогичных результатов в пять раз больше времени, чем государства начала XX в. Массовая резня заняла немало времени, потому что осуществлялась при помощи сравнительно примитивных технологий, и сражаться по-прежнему можно было только в определенное время года, в чем Наполеон убедился на собственном горьком опыте при Эйлау в 1807 г., а затем в России в 1812 г.

Строго говоря, «тотальная война» в привычном понимании того термина (он был впервые использован в конце Первой мировой войны⁵) была неосуществима при тогдашних военных технологиях. Войска шли в бой пешком или скакали на конях и сражались еще не ружьями, а мушкетами. Действительно, в последние месяцы XVIII в. великий русский генерал Суворов заявил: «Штыком может один человек заколоть троих, где и четверых, а сотня пуль летит на воздух»⁶. Наполеон считал имевшиеся в его распоряжении мушкеты столь примитивными, что предпочитал обучать пехоту прежде всего массивованному огню и массовым штыковым атакам: даже в опытных руках мушкет бил недостаточно точно⁷.

⁴ Gates D. The Napoleonic Wars, 1803-1815. L., 1997. P. 272.

⁵ Недавний и подробный анализ дискуссии о сущности этого термина см.: *Guiomar Y. L'invention de la guerre totale: XVIIIe-XXe siècle.* P., 2004; *Bell D. Op. cit.*

⁶ Заветы Суворова. Сборник суворовских изречений. / Сост. К. Пигарев. М., 1943. С. 17. Цит. в: *Blanning T.C.W. The French Revolutionary Wars, 1787–1802.* L., 1996. P. 235.

⁷ *Morvan J. Le soldat imperial.* P., 1904. Vol. 1. P. 287-288.

Рори Мюир, подобно большинству военачальников наполеоновской эпохи, считает, что «качество мушкета играло куда меньшую роль, чем качество войск, использовавших его»⁸. Технология еще не могла выиграть войну, и даже важные военно-технологические достижения не могли нанести особого ущерба за пределами собственно поля боя.

Революционные и Наполеоновские войны преобразили военное дело в том плане, что были найдены средства на сбор и использование массовых армий. Таким образом, они изменили масштаб войны; развитие профессионального чиновничества и полицейских сил в невиданной степени преобразило руководство войной. Но сам способ ведения войны не изменился. И воюющие стороны, особенно французы, прекрасно собиравшие огромные армии, не слишком хорошо справлялись с их обеспечением в полевых условиях. Фуражировка по-прежнему часто была в порядке вещей; время от времени она становилась официальной стратегией. Когда система давала сбой, когда префекты проявляли нерешительность, а жандармы не получали поддержки регулярных войск, могла случиться самая настоящая крестьянская война – именно это происходило на территории Центральной Италии на протяжении большей части 1809 г.⁹ Здесь, по крайней мере на одном уровне, все просто: взгляды были современными, но технологический уровень служил сдерживающим началом, возможно, в последний раз в мировой истории. Нехватка технологий сама по себе спасла множество жизней и экономику, а также европейский гражданский порядок. В доиндустриальную эпоху не существовало «военно-промышленного комплекса» с достаточно могущественными интересами, чтобы надавить на государство, желающее с ним покончить. Находившаяся в зародыше промышленность чаще страдала от войн, чем получала от них выгоду. Проигравшими стали военные всех наций, переведенные в мирное время на половинное жалованье, потому что именно они были единственным настоящим оружием массового поражения.

Политическое руководство всех стран в полной мере отдавало себе отчет в том, что любые ресурсы весьма ценны, что их следует оберегать. В определенных условиях это могло привести к политике выжженной земли: так вел себя Веллингтон в западной Ис-

⁸ Muir R. *Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon*. New Haven, 1998. P. 76.

⁹ Grab A. *State Power, Brigandage and Rural Resistance in Napoleonic Italy* // *European History Quarterly*. 1995. № 25. P. 39-70.

пании, так поступали и русские в 1807 и 1812 гг. Однако главной стратегической целью всех сторон было захватить ресурсы врага в целостности и сохранности, а затем перенаправить их на свои нужды. Когда французы захватили Голландскую республику, они переоснастили голландский флот в тщетной надежде использовать его против англичан. Парадоксально, но именно привычка жить за счет местного населения, наводившая вполне понятный ужас на деревни, лежавшие на пути прожорливой Великой армии, защищала крестьян от уничтожения: французские войска, конечно же, насиловали и грабили, но им нужно было иметь возможность вернуться в эти места. Они не применяли тактику «выжженной земли»; она применялась против них. Континентальная система перенаправила средства в сторону Франции, и попыталась задушить конкурирующих промышленников в таких регионах как Берг или Милан¹⁰. Таким образом, власти могли стремиться к почти полному уничтожению отдельных секторов местного хозяйства, но, как правило, для того чтобы принести какую-то выгоду другим. Теория Континентальной системы примечательна своей сложностью, а также франкоцентричным эгоизмом.

Тем не менее, хотя европейская жизнь не была нарушена так же всеохватно и глубоко, как после войн XX в., нельзя сказать, что в ней не было территорий, которые приближались к такому же уровню разрухи. Нигде нельзя было обнаружить более глубокого изменения всего общества в результате войны как к югу от Пиренеев или на Балканах. Португалия и Испания были совершенно опустошены войной, а Пиренейские войны оставили на Иберийском полуострове почти неизгладимый след. В последующие полтора века в испанской политике доминировали военные, не имевшие особого значения до 1808 г. Когда в 1814 г. война в Иберии наконец прекратилась, оба государства сохранили огромные армии, которым предстояло играть первую скрипку в политике вплоть до последней четверти XX в. Правление Франко и «революция гвоздик» стали последним этапом долгого процесса, начавшегося в 1808 г.

Обустроив в Португалии прочную оборонительную базу, англичане начали работать над трансформацией всего общества, чтобы создать плацдарм для наступления на Наполеона. Португалия раньше была слабым и неэффективным государством, с военной

¹⁰ О Бегре см.: *Schmidt C.* Le Grand Duché de Berg (1806–1813). P. 1905. О Милане см.: *Pillepich A.* Milan, capitale napoléonienne. 1800-1814. P. 2001. P. 587-601.

точки зрения жившим при Старом порядке. Бересфорд, англичанин, фактически получивший от португальского двора в изгнании полномочия вице-короля, все кардинально изменил: все ресурсы страны были мобилизованы на войну, а его «приказы по войскам», неумолимо выполнявшиеся сначала английскими солдатами Веллингтона, а затем новой португальской армией, свидетельствовали о постепенной милитаризации всего общества. Из горнила этих преобразований вышла армия, устойчиво побеждавшая французов, и заслужившая доверие и уважение англичан в большей степени, чем любая другая. Кроме того, это привело к созданию в некогда мирной стране многочисленного и весьма воинственного офицерского корпуса, который не просто участвовал в политике, но и играл там доминирующую роль до 1970-х гг. Возможно, ни в одной европейской стране гражданское население не пострадало от войн больше, чем в Португалии. Численность ее жителей сократилась с 1808 по 1814 г. на четверть миллиона, не столько из-за боев, сколько из-за политики «выжженной земли» вдоль границы с Испанией, которая привела к чрезвычайному падению производства и уничтожению инфраструктуры: восстановить хозяйство после 1814 г. не удалось¹¹. Опыт Португалии ближе всего подходит к понятию «тотальной войны» в наполеоновское время.

Воздействие наполеоновских войн на Балканы часто обходят вниманием, но оно сыграло решающую роль в воспламенении региона, хотя это воздействие и было непрямым. Помимо потрясений, вызванных французской оккупацией Иллирийских провинций, все великие державы – Россия, Габсбурги, Великобритания и Франция – накачивали регион оружием и присылали свою помощь, иногда для дестабилизации османского правления, иногда для его поддержки. Кроме того, австрийцы и русские, часто при содействии англичан, непрестанно подталкивали сербов к восстаниям¹². Их интерес к Балканам, как и к Испании и Калабрии, снизился после 1814 г., но оружие, которым они наводнили регион, и беспорядки, которым они содействовали, никуда не делись. К 1820-м гг. большинство великих держав переключились на греческое восстание, в соответствии с моделью, отработанной во время Наполеоновских войн¹³.

¹¹ *Reis A. do Carmo. Invasões Francesas: as revoltas do Porto contra Junot.* Lisbon, 1992.

¹² *The First Serbian Uprising, 1804-1813 / Ed. W.S. Vucinich.* N.Y., 1982.

¹³ Полезный обзор см.: *Sugar P.F. South Eastern Europe under Ottoman Rule, 1354-1804.* L., 1977. P. 202-246; *Shaw S.J., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey.* Cambridge, 1977. P. 1-15.

Португалия и Балканы представляют собой противоположности с точки зрения происхождения и характера «тотальной войны» в протоиндустриальном или даже доиндустриальном обществе. Португалия, возможно, является единственным в это время истинным примером тотально милитаризованной нации, сосредоточившейся исключительно на войне, а Балканы представляют собой пример трансформации слабого государства, Османской империи, во временно несостоятельное государство, под давлением все разрастающейся войны. В то время, как португальцы столкнулись с невиданными мерами социальной дисциплины и буквально регламентации всех сторон жизни, османские Балканы настолько оказались во власти местных военных вождей и бандитов, что до них было далеко даже Испании. Крупные восстания сербов и греков служили выражением эндемичной, яростной нестабильности, вызванной вмешательством великих держав в годы Наполеоновских войн, и черпали в ней свои силы, в то время как в Испании процесс был обратным.

Вероятно, периферийные области конфликта столь глубоко преобразились в результате войн, что происходившее там можно в региональном контексте назвать «тотальной войной». Это может показаться неуместным, потому что Балканский и Иберийский полуострова не были главной областью конфликта, и все же в этих двух случаях материальные и политические свидетельства «тотальной войны» особенно сильны, поэтому вся последующая история этих двух регионов может быть интерпретирована как следствие произошедшего.

* * *

В других областях все было иначе. Европейская политическая культура пережила этот пожар, выйдя из него пусть и изменившейся, но по крайней мере узнаваемой. Хронология и география конфликта сыграли важнейшую роль в этой впечатляющей истории выживания. Старинный афоризм, гласящий, что с 1792 по 1815 г. было всего лишь 18 месяцев мира, вводит в заблуждение, а то и попросту является ошибочным. Нарушение Амьенского мира, заключенного между Англией и Францией в 1802 г., привело к морской и колониальной схватке; континентальная Европа с 1800 по 1805 г. жила мирно. Когда же война возобновилась, военные действия шли главным образом на Иберийском полуострове и в Центральной Европе; лишь 1813–1814 гг. отметились заметными

кампаниями в Западной Европе к северу от Пиренеев. Это была передышка, позволившая различным странам избежать пусть не бюрократизации, централизации и рекрутской службы, но прямого воздействия войны. Они по-прежнему могли продолжать и продолжали функционировать как гражданские общества, не переходя полностью на военные рельсы. Это относится и к Франции. Маршалы получали добычу, титулы, чины, но не места в Государственном совете.

Это важнейший фактор, если мы хотим оценить роль Революционных и Наполеоновских войн в европейской истории и их совместимость – или несовместимость – с любым определением «тотальной войны». Периферийные области, а именно Иберийский и Балканский полуострова, были исключениями из этого правила не только в силу интенсивности их военного опыта, но и потому что война создала в них режимы, опиравшиеся на армии и милитаризованное насилие. В странах – главных участницах конфликта дело обстояло совершенно иначе. Налицо кажущийся и, возможно, совершенно реальный парадокс. Процесс наполеоновского государственного строительства является в высшей степени необычным, и напрямую связан с войнами. Наполеон создал или способствовал изменению очертаний многих новых государств в Западной и Центральной Европе; если точнее, это происходило не в результате войн, а в их процессе. Таким образом, когда появлялось новое государство, например, Италия (республика/королевство), Вестфалия или великое княжество Берг в Германии, их учреждения принимали форму, необходимую для удовлетворения военных нужд. Главное здесь в том, что военные нужды стали смыслом существования новых государств, что эти государства были не результатом войн, а их двигателем. С первых дней главная их задача состояла в том, чтобы подпитывать военные действия.

Однако все эти государства, в том числе и Франция, даже обслуживая военные цели, были абсолютно гражданскими с точки зрения внутреннего устройства. Наполеон никогда не давал реальной власти кому-либо из своих маршалов, кроме как в исключительных обстоятельствах Испании. Это верно даже в случае Мюрата: Наполеон сделал его королем Неаполитанским лишь после того, как Мюрат женился на его сестре Каролине, что очень задело самолюбие маршала¹⁴. Великой империей управляли граждан-

¹⁴ *Lacour-Gayet M. Joachim et Caroline Murat. P., 1996. P. 157.*

ские чиновники, и даже сам Наполеон, величайший из военных лидеров, никогда не желал заменить их людьми в мундирах.

Гражданское правление само по себе отнюдь не означает невозможности «тотальной войны» – об этом красноречиво свидетельствует опыт следующего века. По мере того, как войны подходили к концу, гражданские лидеры, высказывавшиеся в их пользу, были быстро и повсеместно удалены от дел. Штейна затмил фон Гарденберг; немецкий патриотизм Шлегелей был холодно принят Меттернихом и Францем I; жутковатые восхваления искупительной мощи войны, исходившие от де Местра, не нашли отклика ни в Ватикане, ни у Людовика XVIII. У руля оказались Каслри, фон Гарденберг, Меттерних и, во Франции, в конечном счете, Талейран – а не де Местр, Штейн или Бёрк.

Зададим вопрос, столь очевидный, что на него совершенно невозможно ответить: зачем государствам было воевать на таких условиях? Этот вопрос отнюдь не является риторическим. Император Франц I Габсбург так и не дал своего согласия на введение рекрутского набора, даже потерпев полное поражение в 1805 и 1809 гг., потому что боялся самой концепции массовой войны и ее склонности к радикализации; для него оба значения слова *levée* были едины. С точки зрения величайшего соперника Франции, массовый рекрутский набор был неразрывно связан с массовым народным восстанием, и Франц обошелся без него, несмотря на все трудности, невзирая на все аргументы своих полководцев. Возможно, он был прав, по крайней мере в том, что с такой решительностью избегал новшества, свойственного этой войне. Разумеется, большинство союзных лидеров быстро раскаялись в том, что прибегли к *levée* во втором смысле слова. Не привыкли Каслри, Меттерних и фон Гарденберг думать в таких категориях.

Однако гражданские правители обладали волей к победе. Франция – сначала гражданская, революционная Франция, а затем бюрократическая империя – была в их глазах образцом для подражания и в то же время государством, внушающим страх. Когда в умах правителей и в их политике соединились два значения слова *levée*, стало возможно с достаточной уверенностью говорить об их намерении вести «тотальную войну».

* * *

Принцип тотальной войны выработался в ходе Революционных и Наполеоновских войн. Однако он, вероятно, возник не таким

прямым путем, как кажется на первый взгляд. «Тотальная война», конечно, в значении «абсолютной враждебности», стала частью европейского духа, но пришла она туда через боковую дверь общества, а не по коридорам власти. «Абсолютная враждебность» нашла себе истинную поддержку у двух крайностей – у элитной политической культуры и в крестьянских общинах, пострадавших от войны либо напрямую, либо из-за рекрутского набора, либо и так, и так. Во время самих войн осуществлению «тотальной войны» на деле помешали два обстоятельства. Одним из них была нехватка эффективных технологий. Другим – существование правителей, все еще в большой степени хранящих политический этос Старого порядка и даже Просвещения, и потому удерживавшихся от искушения дать волю всем силам, имевшимся в их распоряжении. Именно под этим влиянием Веллингтон принял решение не вести испанскую армию в Южную Францию в 1814 г., Франц I в 1809 и вновь в 1813 г. отнесся с пренебрежением к попыткам немецкой интеллигенции начать «народную войну» как бы в подражание испанской партизанской войне¹⁵, а Наполеон отказался делать своих маршалов министрами.

В этих войнах можно отчетливо видеть менталитет будущего, он проглядывает в них со всей очевидностью – но настоящей «тотальной войне» пришлось дожидаться не только новых технологий, но и новой политической культуры. Войны породили фанатиков; образованные фанатики отточили свой дискурс, в то время как неграмотные страдали от своих ран, но день первых еще не пришел. «Тотальная война» была в умах, и даже на чертежных досках, но еще не на поле боя. Этому безусловно способствовало сочетание медленного темпа промышленной революции и остатков влияния консервативного Просвещения в коридорах власти.

Перевел с английского языка А.Ю. Терещенко

REFERENCES

- Bell D.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Boston, 2007.
- Blanning T.C.W.* The French Revolutionary Wars, 1787-1802. London, 1996.
- Gates D.* The Napoleonic Wars, 1803-1815. London, 1997.
- Grab A.* State Power, Brigandage and Rural Resistance in Napoleonic Italy // *European History Quarterly*. 1995. № 25.

¹⁵ *Langsam W.C.* The Napoleonic Wars and German Nationalism in Austria. N.-Y., 1930.

- Guiomar Y.* L'invention de la guerre totale: XVIIIe-XXe siècle. Paris, 2004.
- Lacour-Gayet M.* Joachim et Caroline Murat. Paris, 1996.
- Langsam W.C.* The Napoleonic Wars and German Nationalism in Austria. New York, 1930.
- Morvan J.* Le soldat imperial. Paris, 1904. 2 vol.
- Muir R.* Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven, 1998.
- Palmer R.R.* The Year of the Terror. Twelve who Ruled France, 1793-1794. Princeton, 1989. 3rd edn.
- Pillepich A.* Milan, capitale napoléonienne. 1800-1814. Paris, 2001.
- Ramm A.* Europe in the Nineteenth Century, 1789-1905. London, 1984. 7th ed.
- Reis A. do Carmo.* Invasões Francesas: as revoltas do Porto contra Junot. Lisbon, 1992.
- Schmidt C.* Le Grand Duché de Berg (1806-1813). Paris, 1905.
- Shaw S.J., Shaw E.K.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1977.
- Sugar P.F.* South Eastern Europe under Ottoman Rule, 1354-1804. Seattle, London, 1977.
- The First Serbian Uprising, 1804-1813. / Ed. W.S. Vucinich. New-York, 1982.
- Thomson D.* Europe Since Napoleon. London, 1981.

Броэрс Майкл

профессор
 колледж Леди Маргарет Холл,
 Оксфордский университет
 Оксфорд OX2 6QA, Великобритания
 e-mail: michael.broers@lmh.ox.ac.uk

Broers, Michael

professor
 Lady Margaret Hall
 University of Oxford
 Oxford OX2 6QA, UK
 e-mail: michael.broers@lmh.ox.ac.uk